

Державин и Гораций*

Derzhavin and Horace

Иоахим Клейн

Лейденский университет,
Лейден, Нидерланды

Joachim Klein

University of Leiden,
Leiden, Netherlands

Резюме

В статье говорится о том, что Державин, руководствуясь принципами *imitatio* и *aemulatio*, видел себя не только как переводчика или подражателя Горация, но и как самостоятельного поэта-горацианца. Прочитав Горация не в оригинале, а в немецком переводе, он переработал эти стихотворения, соотнося их с условиями русской культуры XVIII века и личным предпочтениями. Данная статья предлагает, кроме общего анализа того, каким образом Державин использовал произведения Горация, детальные сравнения трех его горацианских стихотворений с оригинальными текстами Горация. Статья завершается вопросом о фундаментальном изменении, которое заметно у пожилого Державина не только в его концепции перевода, но и в концепции поэзии, причем учитывается возможное влияние эстетики Гердера и раннего русского историзма.

Ключевые слова

Г. Р. Державин, Квинт Гораций Флакк, русская поэзия XVIII в., *imitatio*, *aemulatio*, И. Г. Гердер, немецкая рецепция Горация

* При переводе этой работы с немецкого мне помогла И. А. Паперно.

Abstract

In accordance with the principles of *imitatio* and *aemulatio* Derzhavin saw himself not only as a translator of Horace, but also as an Horatian poet in his own right. Reading Horace not in Latin, but in German, modifying this tradition under the specific conditions of eighteenth-century Russian culture as well as of his personal inclinations. In addition to the general analysis of Derzhavin's use of Horace, the article offers detailed comparisons of three of Derzhavin's Horatian poems with the original texts. It concludes with a reflection on the fundamental change in Derzhavin's conception not only of translation, but also of poetry which he experienced in the last years of his life under the possible influence of Herder's aesthetics and early Russian historicism.

Keywords

Derzhavin, Horace, Russian poetry of 18th century, *imitatio*, *aemulatio*, Herder, German reception of Horace

*Гораций, мой друг,
мой учитель, мой спутник...¹*

В русской литературе XVIII в. принцип *imitatio* еще не утратил свой авторитет. Поэтому Державин мог принять в 1779 г. решение избрать для себя «совсем особой путь» и «подражать» уже не Ломоносову, а Горацию². Благодаря этой переориентации Державин на старости лет был признан «русским Горацием»³.

Его близость к Горацию⁴ выражается разным образом. Границы между переводом, подражанием и самостоятельным творчеством расплывчаты. Державин часто заимствовал у Горация только отдельные фрагменты, мы встречаем у него много реминисценций, не говоря о стихотворениях, в которых выражается какой-то «дух Горация». Державин часто и не различал своего и чужого⁵. Когда он переводил какое-то

¹ «Horaz, mein Freund, / Mein Lehrer, mein Begleiter...» Так начинается стихотворение «Horaz» Ф. фон Гегедорна [Hagedorn 1777: 128].

² См. краткую автобиографию «Нечто о Державине» [Кононко 1972: 84].

³ См. примеры в: [Грот 1997: 566, 584, 585, 587].

⁴ На тему «Гораций в России XVIII века» см.: [Берков 1935; Busch 1964: 48–154; Николаев 2001]. Что касается темы «Державин и Гораций», первым следует назвать Я. К. Грота, который в своих комментариях постоянно указывает на связь с поэзией Горация [Державин, I–III]. См. также: [Пинчук 1955; Busch 1964: 70–86; Клейн 2021a; Клейн 2021b].

⁵ См. комментарий Грота к стихотворению Державина «К Капнисту» (1779) — частичному переводу 16-й оды кн. II: «Когда Державин «заимствовал у других поэтов, то обыкновенно с применением к избранному им самим сюжету [...] и с подчинением чужого своему» [Державин, II: 72]. В дальнейшем указываются в квадратных скобках тома и страницы этого издания, например: [II: 72].

стихотворение Горация или писал подражание Горацию, читатели могли узнать об этом лишь в «Объяснениях» и «Примечаниях», которыми Державин комментировал свои произведения в старости⁶.

Державин и его русские предшественники (прежде всего Кантемир) хотели сделать Горация более доступным для своих читателей, русифицируя и христианизируя его стихотворения (см. [Берков 1935: 1043, 1044, 1052]). Державин вообще относился очень свободно к подлинникам, что также соответствовало традиционному европейскому подходу (см. [Stemplinger 2015: 115–154, «Переобразования»]). Нередко возникает впечатление, что он использовал поэзию Горация как каменоломню, из которой мог добывать то, что ему было нужно. Он не считал своей главной задачей знакомить публику с великим поэтом античности; ее он предоставлял своему младшему другу Капнисту (см. [Битнер 1957; Blasberg 2007]). Не довольствуясь задачей литературного посредника, Державин претендовал на самостоятельную роль русского горадианца. Это значит, что он относился к Горацию не только как к образцовому автору, но и как к поэтическому коллеге, многие убеждения и пристрастия которого он разделял. В начале одного стихотворения он обратился к своей музе как «подруге Флакковой» («К Решемыслу», 1783 [I: 118–121]), а в седьмой строфе другого стихотворения он говорит: «Средь Муз с Горацием пою» («На умеренность» [I: 349–352]; это частичный перевод 10-й оды кн. II).

Данная работа обращает внимание на малоизученную, но важную часть поэзии Державина. Нам хотелось бы показать, что происходило с поэзией Горация в России XVIII в. при посредничестве Державина. Кроме того, сравнение этих поэтов может по-новому показать всю поэзию Державина. Сначала мы поговорим о том, на каком языке Державин читал Горация. После этого пойдет речь о личных предпосылках его сочувствия к Горацию, а также о том, какие стихотворения и темы Горация казались ему особенно привлекательными. При этом мы обратим внимание, как и каким образом произведения Горация изменились под пером Державина и в каких условиях общекультурного и личного порядка это происходило. Далее мы сравним три из его горадианских стихотворений с подлинниками. Наконец мы увидим, как в старости

Гораций, как известно, публиковал свои стихотворения без заглавия, поэтому принято цитировать его оды указанием их места в одном из четырех одических «книг», т. е. папирусных свертков, например «16-я ода, кн. II». Для латинских подлинников прибегаю к двуязычному изданию [Hogaz 1957], для русских переводов к [Гораций 1970]. Мы иногда меняем текст этих переводов для большей близости к оригиналу. Для интерпретации отдельных стихотворений Горация мы обращались прежде всего к [Syndikus, I-II].

⁶ Это не относится к переводам Горация, опубликованным пожилым Державиным в его «Разсуждении о лирической поэзии или об оде» [VII: 530–618].

Державина изменилось не только его отношение к метрике Горация, но и вообще его понимание поэзии. При этом мы рассматриваем немецкое горацянство XVIII в. как литературно-исторический фон (см. [Pietsch 1988; Schmidt 1996]).

1. Вопрос о языке

Подобно большинству его образованных соотечественников, Державин не владел латынью. На каком же языке читал он Горация? Среди его рукописей была найдена тетрадь с 58 дословными прозаическими переводами Горация на русский язык, сделанными для Державина молодым человеком по имени А. Котельницкий⁷. Однако эта рукопись датирована 1801 г., а к этому времени Державин уже давно занимался Горацием.

Его друг Дмитриев пишет в своих воспоминаниях: «Кроме немецкого, он не знал других иностранных языков. Древние классические поэты, итальянская и французская словесность известны ему стали [...] по одним только немецким и русским переводам» [Дмитриев 1974: 43–44]. Можно добавить, что Державин читал в молодые годы немецких авторов XVIII в., среди них «в оригинале» и Гагедорна⁸, «немецкого Горация» (см. [Pietsch 1988: 45]), одно стихотворение которого он процитировал в «Разсуждении о лирической поэзии и об оде» [VII: 588]⁹. Поэтому мы предполагаем, что Державин читал по-немецки и Горация¹⁰. Его стихотворение «Ключ» 1779 г. [I: 47–48] является подражанием 13-й оде кн. III. Вполне возможно, что Державин привлек при этом перевод К. В. Рамлера¹¹, который также был известен как «немецкий Гораций»¹². Скрупулезная верность подлиннику, которой отличаются переводы этого автора (см. [Leonhardt 2003]), была во второй половине XVIII в. характерна и для других немецких переводчиков Горация (см.

⁷ См. [Морозова 1993, без пагинации]. О Котельницком см. [Степанов 1999].

⁸ См. [Дмитриев 1974: 43], который называет кроме Гагедорна и К. Ф. Геллерта. В краткой автобиографии Державина мы читаем, что он «подражал» тогда Е. фон Клейсту, Ю. Ф. В. Цахарию, А. фон Галлеру «и другим немецким писателям» [Кононко 1972: 83].

⁹ Грот сообщает в одной сноске к «Разсуждению», что Державин написал несколько древнегреческих застольных песен по переводам Гагедорна [VII: 591].

¹⁰ На тему «Державин и немецкие горацянцы» см. указания в: [Пумпянский 2000: 84; Алексеева 2005: 324–325].

¹¹ «An den Bandusischen Quell» [Ramler 1769: 22–23]. См. [Rosendahl 1953: 58–62; Доценко, Григорова 1993: 240–241], так как ему могли быть доступны и другие немецкие переводчики Горация — о них см. [Killy 1982].

¹² См. [Кошенина 2003: 129]; Рамлер называется «немецким Горацием» и в «Письмах русского путешественника» [Карамзин 1984: 44]. О большом числе «немецких Горациев» XVIII в. см. [Schmidt 2004: 425].

[Killy 1982]), поэтому нельзя с уверенностью ответить на вопрос, какими переводами пользовался Державин. Однако Рамлер мог привлекать Державина и своим богатым комментарием [Ramler, II].

2. Общие черты

Если Державин говорит о своем «подражании» Горацию, он имеет в виду не отношение ученика к учителю, а отношение одного поэта к другому поэту, которого он называет своим «другом». Следует учесть, что в литературной традиции понятие *imitatio* часто сопровождается понятием *aemulatio*, т. е. соревнование¹³. Что это значит для поэзии Державина, мы еще увидим. Остается вопрос, что именно привлекало его в Горации, какие общие черты создавали почву для расположения Державина? Речь идет, другими словами, о каком-то «избирательном сродстве», которым объясняется особенная восприимчивость Державина к определенным произведениям и аспектам творчества Горация.

Будучи лириком, Державин занимался одами Горация, пренебрегая сатирами, эпистолами и эподами (переводы эподов 2 и 7 являются исключениями). Державина привлекал у Горация не только лирический жанр, но и государственное самосознание: Гораций считал себя певцом Римской, а Державин — Российской империи. Это видно по его стихотворению «Лебедь» [II: 314–315] — подражанию 20-й оде кн. II. (см. [Вендитти 2013]). Гораций говорит в пятой строфе этого стихотворения о своей славе, которая должна распространиться не только по Римской империи, но и по тем краям, которые также будут когда-то принадлежать к ней (см. [Syndikus 2001, I: 483]):

Me Colchus et qui dissimulat metum
Marsae cohortis Dacus et ultimi
Noscent Geloni: me peritus
Discet Hiber Rhodanique potor (Horat. Od. II, 20, 17–20)¹⁴.

Державинский перевод этой строфы почти в два раза длиннее, что соответствует общей тенденции его стиля (см. ниже):

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод,
Народы, света с полукруга,
Составившие Россов род,

¹³ Об *imitatio* см. [Entner 2007]; об отношении этого понятия к *aemulatio* см. [Lexicon 1993: 191].

¹⁴ Меня узнают даки, таящие / Свой страх пред римским строем, колхидяне, / Гелоны дальние, иберы, / Галлы, которых питает Рона.

Со временем о мне узнают:
Славяне, Гунны, Скифы, Чуд,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом, — и рекут:

«Вот тот летит, что, строя лиру,
Языком сердца говорил
[...]».

К общим чертам Горация и Державина принадлежит и социальная тема — сознание скромного происхождения. Гораций был сыном освобожденного раба из далекой провинции. Державин, правда, происходил из дворянской семьи, но очень бедной, которая также жила далеко от столицы; ему пришлось много лет служить простым солдатом в Петербурге. Гордость за достигнутый успех выражается у Горация во второй строфе, где он говорит о себе как о «бедном отпрыске бедных родителей» — «ego, pauperum / Sanguis parentum». У Державина мы читаем, что он «родом [...] не славен», но что превосходит других членов придворного общества, к которому он принадлежал с начала 1790-х гг., тем, что он «любимец муз» [II: 314].

Общей чертой обоих поэтов является не в последнюю очередь один литературный прием. Это богатое использование автобиографического материала в поэтических целях. Гораций и Державин любят говорить в своих стихотворениях о себе и своей жизни¹⁵. В дальнейшем мы поэтому будем говорить «Гораций» и «Державин», когда речь идет о лирических субъектах их стихотворений. Это, конечно, условность, но она оправдывается в какой-то мере тем, что приравнивание лирического субъекта эмпирическому автору соответствует поэтическому замыслу Державина и, по всей вероятности, также Горация (о лирическом субъекте Горация см. [Syndikus 1992: 255]). У Державина это особенно видно в горацянском стихотворении о «Жизни званской» [II: 404–410], где его лирический субъект выступает в последней строфе как автор знаменитых тогда од «Фелица» и «Бог». Значит, читатели должны были отождествлять его лирического субъекта с самим поэтом, каким бы он ни был идеализированным.

¹⁵ См. [Perret 1959, 75–76]. Поэтическое достижение Горация заключается прежде всего в том, что он осмелился «интересоваться самим собой», что «построил» свою поэзию «вокруг собственной личности». См. также [Zinn 1972: 377], который говорит об «основном автобиографическом ядре» у Горация. Таким же образом характеризует Державина и Гуковский: «Вся поэзия Державина — это прежде всего воссоздание в художественном слове личности самого поэта, его неповторимой, конкретной индивидуальности» [Гуковский 1947: XXXIII]. Заметим, однако, что это наблюдение касается не «всей поэзии» Державина, а только одной ее части. Дело обстоит иначе в его панегирических стихотворениях и в его религиозной поэзии.

Державин способствовал такому прочтению «Объяснениями» и «Примечаниями», в которых он комментировал свои намеки и рассказывал, что заставило его написать то или иное стихотворение, какие цели он при этом преследовал. Он явно желал, чтобы его стихотворения воспринимались не только как произведения искусства, но также как выражение его конкретного жизненного опыта. Поэтому далее речь пойдет не только о поэзии Державина, но также и о его биографии как необходимом контексте для понимания его поэзии.

Горацианский автобиографизм Державина имел важные последствия для русской литературы XVIII в. Дело в том, что этот прием способствовал очень значительному расширению тематического диапазона оды как ведущего тогда лирического жанра: «Казалось, что в оде теперь можно говорить обо всем» (см. [Алексеева 2005: 347]). В русской оде трактовались теперь уже не только возвышенные темы, как у Ломоносова и Сумарокова, в ней могли теперь выражаться чувства, мысли и переживания индивидуального человека. Итак, Державин по следам Горация открыл для русских читателей поэтический потенциал частной жизни¹⁶.

3. Учение о правильной жизни

Державин мало интересовался Горацием как поэтом высокого стиля. Для этого существовала в России ломоносовская традиция, которую он продолжал и после того, как решился на «совсем особой путь». Гораций был для него прежде всего поэтом среднего стиля и эпикурейского учения о том, как следует жить (см. [Syndikus 1992: 226–228]). Художественные аспекты горацианской поэзии играли для Державина второстепенную роль. Это преимущество дидактического интереса соответствовало и тому, как понимали Горация и русские предшественники Державина; различие состояло только в том, что они больше смотрели на его сатиры и эпистолы, чем на оды (см. Берков 1935). Державин ценил Горация скорее как мудреца, чем как лирика, что соответствует и тем нравоучительным принципам, которые он проповедовал в своем «Разсуждении» (см. там часть о «Нравоучении» [VII: 578–580]).

Учение Горация (и Эпикура — см. [Hossenfelder 1995, 100–146]) о правильной жизни относится не к злу и добру, как в христианстве, а к тому, как человек может достичь личного счастья. Кажется, что разумная трезвость, которую Гораций проявлял в этом отношении, особенно привлекала Державина. Это видно, например, по его стихотворению «Пирре» 1804 г. [II: 324–325], свободному переводу 5-й оды кн. I. Речь в

¹⁶ См. [Пумпянский 2000: 89] о «превращении официальной оды о судьбах государства» в «оду частной жизни».

нем идет о красивой гетере и ее молодом любовнике, который мечтает о вечной любви и которого ждет горькое разочарование. Как и в других своих стихотворениях, Гораций предупреждает читателя об иллюзиях; он призывает относиться к неприятным фактам человеческой жизни с мудрым спокойствием. Иначе нет, по его мнению, личного счастья.

Представление Горация о счастье соответствовало не только эпикурейской философии, но и эвдемоническому идеалу европейского Просвещения (см. [Hazard 1978: 23–34, «Le Bonheur»]). Однако твердая ориентация этого учения на земной мир, которая привлекала Державина, противоречила христианской доктрине о жизни после смерти. Ведь согласно этой доктрине, жизнь в нашем мире является только приготовлением к жизни после смерти; под знаком *vanitas* она превращалась даже в презрение к земной жизни. За отрицание этого раздела христианского учения немецких гораццианцев критиковали пиетисты (см. [Stemplinger 2015: 161–165]). В России ситуация должна была складываться аналогичным образом, однако при просвещенном режиме Екатерины II такая критика почти никогда не была гласной; о единственном исключении будет еще речь.

Чтобы достичь земного счастья, гораццианец должен был вести простую жизнь, избегая роскоши, честолюбия и алчности. У Горация эта тема встречается часто, прежде всего во 2-м эпосе, свободный перевод которого имеет у Державина заглавие «Похвала сельской жизни» (1798). Для земного счастья была нужна не только непритязательность, но и спокойствие души, *tranquillitas animi*: которое можно было получить не через *vita activa*, а только через *vita contemplativa*. Об этом спокойствии души мы читаем, например, в 16-й оде кн. II. Послание Державина «Капнисту» 1797 г. [II: 67–69] является по большей части свободным переводом этого стихотворения. Латинскому слову *otium*, которое употребляется у Горация в первых двух строфах несколько раз с большой эмфазой, соответствует у Державина русское слово «спокойство» или «покой», которое повторяется у него с анафорической эмоциональностью также в первых двух строфах.

Мы сталкиваемся еще с одной гораццианской мудростью в 10-й оде кн. II. Она начинается с дружеского увещания знакомому: «Rectius vives, Licini...» («Правильнее жить ты, Лициний, будешь...»; Horat. Od. II, 10, 1). Далее следует совет: нужно всегда придерживаться «золотой середины» — «*aurea mediocritas*» (Horat. Od. II, 10, 2), т. е. избегать крайностей. Первая строфа державинского стихотворения «На умеренность» 1792 г. [I: 349–352] является переводом первых двух строф этой оды. Здесь повторяется не только учение о «средней стезе», но также о равнодушии, которое нужно хранить, несмотря на перипетии судьбы:

Завиден тот лишь состояньем,
 Кто среднюю стезей идет,
 Ни благ не восхищен мечтаньем,
 Ни тмой не ужасаем бед;
 Умерен в хижине, чертоге,
 Равен в покое и тревоге.

Сочувствие Державина эпикурейскому учению Горация особенно заметно в разработке темы смерти. Пристрастие к ней отличает его от немецких горацянцев, которым тема смерти казалась устаревшей барочной традицией; поэтому они предпочитали такие темы Горация, как вино, любовь и дружба (см. [Pietsch 1996: 205]). Увещание Горация спокойно признавать неизбежные факты жизни относится прежде всего к смерти: нет счастья без спокойного принятия тленности¹⁷. Мы встречаем красноречивый пример этого правила в оде Державина «На смерть князя Мещерского» [I: 54–56]. В ее шестой строфе говорится: «Бледна смерть¹⁸ на всех глядит». Этот образ восходит к аллегории смерти Горация в 4-й оде кн. I: «Бледная ломится Смерть одною и тою же ногою / В лачуги бедных и в царей чертоги» («*Pallida Mors aequo pulsat pede pauperum tabernas / Regumque turris. [...]*», Horat. Od. I, 4, 13–14). В последней строфе своего стихотворения Державин призывает друга покойного не «терзаться и скорбеть» о том, что Мещерский «не жил вечно», и советует ему рассматривать жизнь как «мгновенный дар небес», т. е. спокойно покориться неизбежности.

Эта мысль встречается и в стихотворении Державина «Приглашение к обеду» 1795 г. [I: 462–464], которое восходит к 20-й оде кн. I. Здесь Гораций приглашает с подчеркнутой скромностью своего покровителя Мецената к себе в Сабинское поместье (которое он, как известно, получил в подарок от того же Мецената). Державин также хочет угостить своего высокопоставленного гостя скромно¹⁹, однако он значительно расширяет стихотворение, вводя тему смерти. Он напоминает своему гостю, что «век наш тень», что мы уже не молоды и «ко старости

¹⁷ О теме смерти у Горация см. [Wili 1948: 233–235; Wilkinson 1968: 34–42]. Об этой теме у Державина см. [Пинчук 1955: 74–78].

¹⁸ Анонимный рецензент нашей статьи отметил, что это слово написано в первом издании 1779 г. данного стихотворения не с большой буквы, как в издании Грота, а с маленькой.

¹⁹ Гость, к которому обращается Державин, это также знатный покровитель — И. И. Шувалов, «творец чрез двадцать лет добра» [II: 101]. Державин приглашает его не пить «простое вино из скромных чаш», как Гораций, а на «русский мой простой обед» [II: 101]. Однако нельзя не заметить, что это относительная простота, ведь главное здесь то, что предлагаемые в первой строфе блюда не иностранные, а российские, среди которых фигурирует такой деликатес, как «шексинска стерлядь золотая».

приходим». И он добавляет с поразительной наглядностью, что «смерть к нам смотрит чрез забор». Однако Державин высказывает эту мысль без всякой печали, напротив: «Увы! то как не умудриться, / Хоть раз цветами не увиться / И не оставить мрачный взор?». Перед нами гораццианское *memento mori*. Человек должен понимать смерть как ободрение, чтобы тем более наслаждаться жизнью.

Эта мудрость выражается у Горация и в конце 11-й оды кн. I знаменитой формулой «carpe diem»: «carpe diem, quam minimum credula postero» (Horat. Od. I, 11, 8) — «Пользуйся днем, меньше всего веря грядущему», или: наслаждайся данным моментом, ведь кто знает, что будет завтра. Стихотворение Державина «На ворожбу» 1798 г. [II: 101–102] является свободным переводом этой оды. Подразумевая, что «время злое быстротечно», Державин обращается к читателю в последней строфе следующими словами: «Красуйся дня сего благими, / Пей чашу радости теперь».

4. Экскурс: Христианский гораццианец

Однако в связи с гораццианским *memento mori* возникает вопрос об отношении Державина к христианскому *memento mori*, которое призывает человека каяться в течение его недолговечной жизни, чтобы получить вечное блаженство в загробной. Следуя Горацию, Державин противоречит не только учению церкви, но и многим русским поэтам XVIII в., которые часто писали о тленности — *vanitas* — человеческой жизни (см. [Levitsky 1986: 432]). Этому обесцениванию земной жизни соответствовала и «любовь к смерти» тех русских масонов, для которых она была радостно ожидаемым переходом в иной мир (см. [Вернадский 1999: 197–202]). Однако у Горация смерть является абсолютным концом жизни (см. [Syndikus, I: 128, 423, 428–429; II: 342–345]); после смерти «мы лишь тень и прах» — «pulvis et umbra sumus» (Horat. Od. IV, 7, 4). Смягченная разновидность этой мысли встречается у Державина в пятой строфе оды «На смерть князя Мещерского». Лирический субъект разговаривает здесь с собой о судьбе покойного: «Где ж он? — Он там. — Где там? — не знаем» [I: 54]. За это «незнание» упрекнул его тогда один церковник (см. [I: 59]).

Однако Державин был не только гораццианцем, но и христианином, автором оды «Бог» и многочисленных стихотворений религиозного содержания. Дело в том, что он христианизировал Горация — например, в стихотворении «О удовольствии» 1798 г. [II: 98–100], свободном переводе 1-ой оды кн. III. Во второй строфе Горация речь идет о «царях грозных» и об их «стадах» («greges»²⁰), т. е. их бесправных подданных.

²⁰ В [Гораций 1979: 125–127] слово «greges» переводится неточно как «трепетные подданные».

Однако над этими властителями господствует Юпитер, который, после того как «одолел со славой» Гигантов, управляет вселенной «движением брови»²¹. Значит, названные «цари» подчинены не менее произвольной власти, чем их несчастные «стада»²².

Державин пропускает в своем переводе не только слишком резкую метафору «стадо», но и фразу о «движении брови». Кроме того, Юпитер заменяется христианским «Богом» (с большой буквы²³), который, правда, так же победил Гигантов (что плохо соотносится с христианской темой) и который так же «блистает молниями своими». Однако Бог Державина является все-таки не страшным Богом, ведь он водит «перстом [...] хоры звезд»: это не тиран, а добрый государь, который ограничивается осмотрительным «дирижированием» миром. Это, другими словами, любящий Бог христианского Просвещения²⁴. С этой точки зрения «незнание» в оде «На смерть князя Мещерского» является только экспериментом «в языческом стиле». Не следует считать нехристианской и ориентацию Державина-поэта на наш мир. Это не отрицание христианского учения, а только ограничение его претензии на универсальное значение. Позиция Державина сводится лишь к утверждению ценности земной жизни. Этот замысел выражается и в жизнерадостной тематике его анакреонтики.

5. Стиль

Лессинг хвалил Горация как «философского поэта, который привел остроумие и разум в тесную связь и который умел с тонкостью придворного человека дать самым серьезным учениям гибкую форму дружеского напоминания» [Lessing 1967: 557]. Стилистическая тактичность, которую подчеркивает Лессинг, состояла не в последнюю очередь в том, что Гораций умел придавать своим стихотворениям, при всем их дидактизме, форму дружеского обращения (см. [Heinze 1938]). Такая форма встречается и у Державина, однако далеко не всегда. Так, например, Державин в стихотворении «На умеренность» частично переводит 10-ю оду кн. II, в начале которой говорится: «Правильнее жить ты, Лициний, будешь...» — «Rectius vives, LicinI:» (Horat. Od. X, 10, 1). Однако Державин прибегает в своем произведении к неличной форме:

²¹ «Regum timendorum in propios greges, / Reges in ipsos imperium est Iovis, / Clari Giganteo triumpho, / Cuncta supercilio moventis» (Horat. Od. III, 1, 2).

²² См. [Pöschl 1991: 153], который говорит об «атмосфере страха» в этой оде.

²³ Так не только у Грота, но также в последнем прижизненном издании 1808 г. (т. II, с. 64).

²⁴ См. и стихотворение Державина «Успокоенное неверие» 1799 г. Однако к концу своей жизни он перешел от просвещенческого христианства к мистицизму, распространившемуся в России при Александре I; об этом свидетельствует его oda «Христос» 1814 г. [III: 145–153]; см. [Uffelmann 2007; Клейн 2021в].

«Благополучнее мы будем, / Коль...», что превращает приветливое обращение Горация в сухой монолог.

Мы наблюдаем то же самое в стихотворении Державина «На ворожбу» 1798 г. [II: 101-102], свободном переводе 11-й оды кн. I. Гораций обращается в первой строфе к молодой подруге: «Ты гадать перестань: нам наперед знать не позволено, / Левконоя, какой ждет нас конец. Брось исчисления / Вавилонских таблиц!» Державин, напротив, обращается не к определенному человеку, а к какому-то «ты». Эта склонность к отвлеченной дидактике заметна и в том, что у него нет ситуативного контекста, тогда как Гораций находится вместе со своей Левконой недалеко от моря, пьет вино с ней и наслаждается приятным моментом.

И Державин может обратиться к каким-то адресатам, но не всегда любезно. Его стихотворение «К Скопихину» 1803 г. [II: 283–284] является частичным переводом 2-й оды кн. II. Гораций обращается в ней к одному знакомому по имени Саллюстий Крисп и хвалит его щедрость. Чтобы сделать ее особенно наглядной, он противопоставляет ее скупости. Об этом пороке говорит и Державин, который, однако, преследует другую цель. Он обращается здесь к господину с говорящей фамилией Скопихин, чтобы разоблачить его как скрягу. Как и Саллюстий Крисп, адресатом был реальный человек, известный тогда миллионер Петр Собакин²⁵. Таким образом, похвальное стихотворение Горация превращается у Державина в сатиру *ad hominem*. Мы встречаем подобное и в его стихотворении «Ко второму соседу» 1791 г. [I: 310–311], которое начинается со свободного перевода первой строфы 18-й оды кн. II. Употребляя архитектурные мотивы Горация, Державин порицает роскошь богатого соседа, в котором легко было узнать М. А. Гарновского, ставленника Потемкина [Кононко 1975: 122]. Такую же критику роскоши находим и в 18-й оде кн. II. Будучи не менее резкой, чем у Державина, она обращена не к определенному человеку, а к безымянному «ты».

Кроме стилистической «благовоспитанности» Горация бросается в глаза его стремление к лаконичной выразительности²⁶. В «Разсуждении» Державина одна часть посвящена литературной норме «Краткости» [VII: 556–558]. Однако в своей практике он не следовал этому принципу, предпочитая роскошествовать словами не меньше, чем немецкие горадианцы (например, Гагедорн — см. [Pietsch 1988: 105]). В Германии XVIII в. лаконизм Горация даже отрицался в пользу просветительской понятности (см. [Killy 1982: 52–53]). Стремлением к понятности объясняется и много-

²⁵ См. «Примечание» Державина [Кононко 1975: 122–123]. О Саллюстии Криспе см. [Wili 1948: 154].

²⁶ См. [Killy 1982: 46], который восхищается «несравненной краткостью» Горация, «по отношению к которой всякая интерпретация производит впечатление болтливой обстоятельности».

словие Державина²⁷. Кроме того он пишет в своем «Разсуждении», что поэзия должна демонстрировать «обилие и силу» русского языка [VII: 531]. Это значит, что Державин еще чувствовал потребность подчеркнуть полноценность русского литературного языка, возникшего только в XVIII в.

Нам уже известен пример державинского многословия в его стихотворении «Лебедь». Этот стиль замечен в еще большей мере в стихотворении «Пирре», свободном переводе 5-й оды кн. I. Державин использует для перевода первой строфы 62 слова, что больше чем в три раза превышает 19 слов Горация. Своему влюбленному юноше он посвящает, например, три прилагательных («проворный», «прекрасный», «статный»), когда Гораций довольствуется одним словом («*gracilis*»). Юноша Горация целует девушку; у Державина он «обнимает» ее и «прижимает к сердцу толь страстно». Галантная тема заставляет Державина и добавить «приятный пейзаж» — *locus amoenus* (см. об этом топосе [Curtius 1978; 199]): его любовная пара блаженствует «в саду, в цветах между деревьев», а у Горация это только «сладостный грот». Многословием отличается и стихотворение Державина «О удовольствии», свободный перевод 1-й оды кн. III. Первая строфа состоит из 31 слова, тогда как Гораций ограничивается 16 словами. То же самое наблюдаем в стихотворении Державина «Весна» [II: 301–302], переводе 4-й оды кн. I.

Кажется, Державина привлекал у Горация только один аспект его стиля — наглядная образность. Она была для Державина предметом не только подражания, но и соревнования, как, например, в стихотворении о скряге Скопихине. Державин перенимает в восьмой строфе медицинскую метафору водянки, которой Гораций уподобляет скупость. Однако образность предыдущей — седьмой — строфы оригинальная; правда, Державин пользуется здесь не метафорическим изображением, а эксплицитной формой сравнения²⁸, уподобляя своего скрягу сначала кроту, живущему под землей, а потом и сторожевой собаке:

Престань ты жить в погребях
 Как крот в ущельях подземельных,
 И на чугунных там цепях
 Стеречь, при блеске искр елейных,
 Висящи бочки серебра
 Иль лаять псом вокруг двора [II: 283–284].

²⁷ См. [Busch 1964: 28], который находит эту склонность и у других русских переводчиков Горация, что, однако, часто объясняется тем, что подражать лаконизму Горация не всегда удавалось.

²⁸ Зюндикус комментирует образный язык Горация, который встречается в 10-й оде кн. II, следующими словами: «замысел» поэта «заключается в том, чтобы одна истина просияла из всегда нового переодевания; при этом образ [= Bild. — И. К.] добавляется не сравнением, а сама истина выражается в прозрачных образах» [Syndikus, I: 392].

Далее пример такого соревнования находим в стихотворении Державина «На умеренность» 1792 г., частичном переводе 10-й оды кн. II, где речь идет о «золотой середине». Державин начинает свое стихотворение с вольного перевода первых двух строф Горация. В них речь идет о мудрых моряках, которые плывут ни слишком близко к берегу, ни слишком далеко в открытом море. В третьей строфе говорится также о деревьях, о зданиях и о вершинах гор, которые слишком высоки и которым поэтому грозит опасность. Державин повторяет эти образы Горация, однако в строфах 3–6 он соревнуется с ним, говоря, что нужно встречать общую переменчивость судьбы с гораццианским «равнодушием». При этом он пользуется случаем, чтобы полемизировать с Французской революцией и ее политической «метафизикой», которая осмысляется как катастрофический пример презрения «золотой середины». Так, он с русской иронией желает всем французам счастья для путешествия, которое они предприняли «по льду на коньках» «к Фортуне», т. е. к неизвестному будущему [I: 349–352].

В десятой строфе того же стихотворения Державин также говорит об иллюзиях, имея в виду уже не французов, а тех членов петербургского придворного общества, которые обязаны своим успехом не личным заслугам, а «шашням» той же «Фортуны». Как явствует из одного «Объяснения» Державина [III: 510], он намекает здесь на Платона Зубова, последнего фаворита стареющей императрицы, который по-детски любил запускать змеев с царскосельского дворца. Однако у Державина это не бумажные, а «золотые» змеи, т. е. иллюзии успеха:

Смотри и всяк, хотя б чрез шашни,
 Фортуны стал кто впереди,
 Не сплошь спускай золотых змей с башни,
 И, глядя в небо, не пади;
 [...].

6. «Ключ»

Перейдем теперь к сравнению трех гораццианских стихотворений Державина с их источниками. Его «Ключ» [I: 47–48] является подражанием 13-й оде кн. III. Державин сочинил это стихотворение в 1779 г., когда «избрал» для себя «совсем особой путь», поэтому оно является поворотным пунктом в его поэтическом развитии (см. [Пумпянский 2000: 84]), то же самое относится к гораццианской оде «На смерть князя Мещерского», которая вышла в том же году²⁹.

²⁹ Следует добавить, что Державин опубликовал в этом году и оду «На рождение в Севере профириородного отрока» [I: 50–52]. Это стихотворение также

Если Державин действительно пользовался для стихотворения «Ключ» переводом Рамлера, то он не учитывал метрику этого текста. Дело в том, что перевод Рамлера был первым подражанием метрике Горация на немецком языке (см. [Leonhardt 2003: 324])³⁰. Отказываясь от регулярно альтернирующего ритма немецкой силлаботоники в пользу античной метрики, Рамлер достиг для своего перевода гораздо более свободного, близкого к прозе ритма. Это имело успех, другие переводчики Горация последовали его примеру (см. [Leonhardt 2003: 323–324]). Державин, напротив, следовал в своем стихотворении ямбической разновидности русской силлаботоники, введенной Ломоносовым только сорок лет назад; он так поступал и в следующих переводах из Горация. Эта консервативная установка Державина-переводчика начала колебаться, как мы еще увидим, только к концу его жизни.

Стихотворение «Ключ» отличается от латинского образца не только метрикой, но и строфой (см. [Пумпянский 2000, 85]). Вместо строф из четырех строк у Горация Державин использует строфы из пяти строк (и в целом его стихотворение в два раза длиннее оригинала). За исключением пятого стиха, эти строфы рифмованы, хотя Державин знал, что рифм в античности не было³¹. Он также избегает стиховых и строфических переносов Горация. Этим совпадением синтаксической и метрической структур усиливается равномерность ритма его стихотворения. Таким образом Державин шел навстречу литературным ожиданиям своей русской публики, привыкшей к регулярному, несколько монотонному и далекому от прозы ритму силлаботоники. Дело обстоит несколько иначе с пятистрочными строфами которые были редкостью в русской лирике XVIII в. (см. [Гаспаров 1984: 95–96]). Можно поэтому интерпретировать выбор этой формы как попытку Державина проявить еще большую самостоятельность по отношению к оригиналу: он хотел слыть, как уже было сказано, не только переводчиком Горация, но и самостоятельным поэтом-горацианцем.

Гораций воспевает в своей оде источник, который получил свой сакральный характер от нимфы Бандузии. Он благодарен источнику за то, что тот освежает его скот во время летнего зноя. Поэтому он хочет устроить небольшой праздник в честь источника, пожертвовать ему

свидетельствует о замысле идти новым путем, но в данном случае Державин ориентируется не на Горация, а на анакреонтику.

³⁰ Ему предшествовал Клопшток, который прибегал к античной метрике в своих оригинальных стихотворениях — см. [Breuer 1981: 191–199, «Клопшток и нарушение традиции»]. Из четвертой и последней части «Разсуждения» явствует, что Державин знал об этом развитии немецкой литературы [Западов 1989: 307].

³¹ См. комментарий Грота к оде Державина «На приобретение Крыма» (1784), написанной белыми стихами [I: 129].

козленка и прославить его песней. Пейзаж, который окружает источник, — не фиктивный, а реальный пейзаж возле усадьбы Горация в Сабинских горах. Он поэтому упоминает не только прозаических «волово, в поле измученных» и «бредущее стадо», но и падуб («*ilex*»), которым заменил платан и лавр античной поэтической традиции (см. [Syndikus, II: 130]).

Именно в этом отношении пейзаж Державина, у которого тогда еще не было своей усадьбы, отличается от пейзажа в оригинале. Это не реальный, а литературный пейзаж, это — *locus amoenus*, который, правда, отличается от соответствующей традиции своим богатым колоризмом³², большим обстоятельством и тем, что меняется с раннего утра к полудню, вечеру и ночи. Можно интерпретировать и эти изменения как попытку соревнования — *aemulatio* — с оригиналом. Чисто литературному характеру данного пейзажа соответствует и первая строфа Державина, которой нет у Горация: в ней изображается живописная сцена, где один молодой поэт сидит, опираясь на «урну», в «тени развесистых деревьев» и смотрит с восторгом на «прекрасный источник».

Различие этих стихотворений состоит и в том, что Державин восхваляет источник не за то, что тот освежил скот, как Гораций, а за то, что напоил русского поэта «водой [...] стихотворства» [I: 48]. Он подразумевает здесь Хераскова, автора только что вышедшей «Россиады» (см. [I: 49]). Это значит, что Бандузийский источник превратился у Державина в Гиппокрену, священный источник Аполлона и муз. Теперь мы понимаем, почему молодой поэт первой строфы увенчан «осокою», а не «парнасским лавром», как Херасков. Скромный дебютант в стихотворстве, он обращается в восьмой строфе к источнику следующими словами:

Сгарая [!] стихотворства страстью
К тебе я прихожу, ручей:
Завидую пиита счастью,
Вкусившаго воды твоей,
Парнасским жаром увенчанна [I: 48].

Подражание Державина отличается от оригинала и тем, что он обращается в последней строфе не к Бандузийскому, а к «Гребеневскому ключу», т. е. к источнику в усадьбе Хераскова недалеко от Москвы, где Державин, вероятно, навестил его [I: 49]. Он обращается здесь к источнику следующими словами:

³² См. [Пумпянский 1928: 38], который называет Державина в связи с данным стихотворением «отцом русского колористического стиля». В качестве возможных образцов автор называет немецкую поэзию конца XVII — начала XVIII в. и гамбургского поэта Б. Г. Броккеса (1680–1747); см. в этой связи и [Kölle 1966].

Да честь твоя пройдет все грады,
 Как эхо с гор сквозь лес дремуч;
 Творца бессмертной Россиады,
 Священный Гребеневский ключ,
 Поил водой ты стихотворства [I: 48].

Стихотворение Горация изменилось у Державина в еще одном отношении. У Горация смысл стихотворения сводится в основном к похвале деревенской жизни и ее прекрасным — древнеримским — традициям. Державин же превратил это стихотворение в окказиональное произведение, поздравляющее Хераскова с литературным успехом. Это преобразование не лишено литературно-исторической значимости. Ведь Державин написал свое стихотворение не к официальному праздничному событию, связанному с императорской семьей, как было тогда принято, а по частному поводу литературного характера, что, в свою очередь, превращает его в повод для праздника.

Можно поэтому интерпретировать «Ключ» Державина как попытку поднять общественный престиж русской поэзии, который в XVIII в. был еще не очень высок. Это особенно заметно, если иметь в виду ту сакрализацию немецкой поэзии, которая возникла под влиянием Клопштока (см. [Kaiser 1976: 106–115]). Тем более бросается в глаза, с другой стороны, последняя строфа Державина³³. Державин-горацианец предвосхищает таким образом ту сакрализацию поэзии, которая провозглашается у молодого Карамзина в программном стихотворении «Поэзия» 1789 г. Эпиграф к этому произведению восходит к «Мессиаде» Клопштока; этот текст приведен здесь на немецком языке: «Die Lieder der göttlichen Harfenspieler schallen mit Macht wie beseelend» — «Песни божественных арфистов звучат как одушевленные» [Карамзин 1966: 58].

7. «Похвала сельской жизни»

Это стихотворение является свободным переводом 2-го эпода Горация³⁴. По своей форме оно отличается от оригинала столь же сильно, как «Ключ»: оно состоит не из 35 дистихов, а из 16 пятистрочных рифмованных строф, выдержанных четырехстопными ямбами. Оно заслуживает нашего внимания уже потому, что в России XVIII в. идеализация

³³ Державин сакрализирует поэзию также в первой строфе стихотворения «О удовольствии» 1798 г., свободного перевода 1-й оды кн. III. Здесь, правда, пропускается «жрец муз» Горация — «*musarum sacerdos*», однако поэт восклицает: «Пленил меня восторг святой!» [II: 98]. Эта фраза напоминает первый стих ломоносовской оды «На взятие Хотина» 1739 г. Однако там идет речь только о «внезапном», а не о «святом восторге» [Ломоносов 2011: 14–27].

³⁴ 2-му эподу посвящено много работ [Watson 2003: 77]. Мы придерживаемся интерпретации [Fraenkel 1966: 59–61]; см. также [Harrison 2007: 238].

деревенской жизни могла казаться нелепой, ведь после петровских реформ она считалась отсталой и грубой (о чем свидетельствуют, например, комедии Фонвизина).

Державин перенял от Горация не только идеализацию деревни, но и композиционный прием эффектного завершения: в последних стихах мы узнаем с удивлением, что лирическим субъектом выступил здесь не Гораций, а ростовщик по имени Альфий, который после своего мечтательного монолога возвращается к своим нечистоplotным делам. У Державина этот персонаж русифируется, превращаясь в безымянного «мещанина» и «откупщика», промысел которого не менее предосудителен, чем ростовщичество Альфия.

Русификация у Державина происходит и в отношении других реалий, например, когда он переводит название домашних рабов Горация «vernae» словом «рабы», что в русском языке ассоциируется не с рабством, а с крепостным правом. Державин опускает упоминание языческих богов; его откупщик, который любит деревенскую пищу, мечтает не об «оливах жирных / С деревьев прямо снятых» (Ног. ер. II, 54–55), как Альфий, а о «горшке горячих, добрых шей». Однако державинский ростовщик отвергает кулинарную роскошь не из-за заботы о здоровье, как Альфий, а из-за того кулинарного патриотизма, который нам уже известен по «Приглашению на обед». Эта установка получает в 14-й строфе нашего стихотворения, которой нет у Горация, антифранцузскую окраску:

Тогда-то устрицы го-гу³⁵,
 Всех мушелей заморских грузы,
 Лягушки, фрикасе, рагу,
 Чем окормляют нас французы,
 И уж ничто не вкусно мне.

В обоих стихотворениях идет речь о добром, старом времени — только с тем различием, что подразумеваемая критика современности выражается у Державина и прямо: «целомудренной супруге»³⁶ Альфия (Ног. ер. II, 39) соответствует у Державина «хозяйка мила домовита», которой «по древнему обыкновенью / Весь быт хозяйский снаряжен» (стр. 10). О жене Альфия мы также читаем у Горация: «Она к приходу мужа утомленного / Очаг зажжет приветливый / И, скот загнав за

³⁵ Державин относит французское слово «haut goût» в своем «Объяснении» не только к «дичи», как принято, но и к «устрицам»: «Охотники и устриц и дичи любят кушать их с запахом, что по-французски называется haut-gout, т. е. высокого вкуса» [III: 549].

³⁶ Латинская фраза «pudica mulier» передается в русском переводе не совсем точно как «подруга скромная» [Гораций 1970: 220].

изгородь, сама пойдет / Сосцы доить упругие, / [...]» (Ног. ер. II, 44–47). Этот фрагмент отсутствует у Державина.

Описание деревенской жизни, которая является одновременно добродетельной, не мешает Альфию вернуться к своему промыслу. Его монолог получает поэтому ироничный оттенок: не пустая ли это фантазия порочного человека? Эта ирония отсутствует почти у всех немецких переводчиков 2-го эпода и подражателей Горация, которые пропускали это место (см. [Lohmeier 1981: 78]). Так обстоит дело и у Третьяковского (но не у Н. Н. Поповского — см. [Берков 1935: 1044, 1053]). Феофан Прокорович, предполагаемый автор первого русского перевода 2-го эпода, сохранил эту концовку, но лишил ее иронии (его «Альфий разсудный» действительно хочет переселиться в деревню)³⁷. Однако Державин, который привык свободно поступать с оригиналами, следует в этом случае Горацию.

При этом возникает впечатление, будто Державин занимает иногда место своего персонажа. Например, помещик-откупщик не имел права держать крепостных³⁸ — это было привилегией дворянства, о чем крупный чиновник и будущий министр юстиции Державин не мог не знать. Поэтому при замене римских рабов русскими крепостными мы слышим голос не помещика-откупщика, а дворянина Державина. О жене Альфия мы уже знаем, что она «зажжет очаг приветливый / И, скот загнав, за изгородь, сама пойдет / Сосцы доить упругие» (Ног. ер. II, 44–47). В помещицком доме это могло казаться естественным, но не у дворянина Державина, который опускает этот фрагмент. Он же говорит о французской кухне, которая ему «уже не вкусна»: именно Державин знал кулинарные нравы придворного общества по собственному опыту.

Державин роднит с откупщиком и то, что он жил в городе и мечтал о жизни в деревне. Об этом свидетельствует его авторское пристрастие к этой теме, которая трактуется не только в переводе 2-го эпода, но и в посланиях «К Н. А. Львову» с намеком на «*Beatus ille*» в первом стихе, потом и «Капнисту» (1797) и «Графу Штейнбоку» (1806), стихотворении «Деревенская жизнь» (1802), уж не говоря о «Жизни званской» (1807), главном произведении державинской старости. Общей чертой Державина и откупщика является, наконец, и отсутствие желания осуществить этот идеал на практике и начать новую жизнь в деревне. Державин купил званскую усадьбу в 1797 г., т. е. за один год до того, как написал «Похвалу сельской жизни». Однако он проводил там только летние месяцы, а остальное время он жил в своем петербургском доме

³⁷ Весь этот рукописный текст приводится в [Николаев 2001: 307–309].

³⁸ См. закон от 17 февраля 1746 г. [Hösch, Grabmüller 1981: 154].

на Фонтанке, перестройку и расширение которого он начал сразу же после покупки (см. [Грот 1997: 405]).

Сходство Державина с откупщиком заключается и в его государственной службе. Однако он часто бывал недовольным этой деятельностью, как и вообще придворной жизнью. Это выражается, например, в его горацианском послании «Капнисту», где он завидует идиллической жизни своего адресата в украинской усадьбе Обуховка. Державин часто страдал от конфликтов с придворным обществом, которое он в последних стихах этого стихотворения называет «златой [...] чернью»³⁹. Оттуда и известная нам из его стихотворения «Лебедь» потребность возвыситься над этим обществом в качестве «любимца муз». Державин иногда сердился и на своих царственных начальников, на Екатерину II, Павла I и Александра I. Все это мы знаем из его автобиографических «Записок». И во второй строфе оды о «Жизни званской», которую он сочинил уже в отставке, читаем о придворной жизни:

Зачем же в Петрополь на волю ехать страсть,
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатства, сирен под власть
И пред вельможей пышный взор? [II: 404]⁴⁰

Несмотря на мечтания о далекой от столицы и императорского двора жизни в деревне, Державин даже в отставке не решился переселиться в Званку. Он просто не мог отказаться от блеска придворной жизни, от ее праздников и торжественных обедов (см. [Морозова 2014; 2015; 2016]). В связи с этим следует учесть его деятельность в литературном обществе «Беседа любителей русского слова», заседания которого с 1811 г. проходили в его доме на Фонтанке [Грот 1997: 595]. Державин разделял эту непоследовательность со своим откупщиком. Мы понимаем теперь, почему он, в отличие от почти всех немецких горацианцев, сохранил конец 2-го эпода. В нем выражается какая-то самоирония, которая не чужда Державину и в других стихотворениях (см. его стихотворения «На Счастье» 1789 г. [I: 171–176] и «Мой истукан» 1794 г. [I: 421–428]). Мы сталкиваемся с такой же иронией у Горация (см. [Lefèvre 1993: 74–77]). В 7-й сатире кн. I остроумный раб говорит автору:

³⁹ Державин здесь рекомендует своему адресату брать пример с самого себя: «Умей презреть и ты златую / Злословну, площадную чернь» [II: 69]. Слово «чернь» означает здесь не «простой народ», а является инвективой против придворного общества. Данное место восходит к началу 1-й оды кн. III, где Гораций порицает не «златую», а «профанную чернь»: «Odium profanum volgus et arceo» (Horat. Od. III, 1, 1).

⁴⁰ Начало этого стихотворения соответствует началу 2-го эпода Горация «Блажен, кто...» («Beatus ille, qui ...»), но отличается от него полемикой с придворным обществом.

«В Риме тебя восхищает деревня: поедешь в деревню — / Рим превозносишь до звезд» (Horat. Sat. I, 7, 28–30).

8. «Памятник»

Державин опубликовал это подражание 30-й оде кн. III в 1795 г. [I: 534]⁴¹. Четырем асклепиадовым строфам из четырех строк Горация соответствуют у него пять рифмованных строф из четырех строк, выдержанных в шестистопных ямбах.

Оба поэта претендуют в этих стихотворениях на бессмертную славу. Однако в России эта тема звучала иначе, чем в античности. Гораций был тогда далеко не первым поэтом, который публично хвастался своей бессмертной славой⁴². Однако в России такая претензия нарушала не только бытовое, но и религиозное приличие. Это был грех против смирения, одной из главных добродетелей христианства. Державин поэтому должен был считаться с упреками не только в самохвальстве, о чем он и сам знал⁴³, но и в гордыне. Его мечта о земном бессмертии могла дать повод к соблазну, потому что для христианина было только бессмертие небесное. Идея преодоления смерти на земле⁴⁴ могла восприниматься как кощунство, если вспомнить триумфальное восклицание апостола Павла о смерти Христа на кресте: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (Кор 1 15:55). Державин, может быть, не сознавал этой богословской проблематики. Однако он через год после «Памятника» сочинил стихотворение «На тщету земной славы» (1796), в чем явно выражается какое-то душевное беспокойство.

Державин обосновывает претензию на бессмертную славу своими поэтическими достижениями. Он этим также подражает Горацию, который гордится в последней строфе тем, что ввел греческий стих в римскую поэзию: когда-то будут говорить о нем, что «первым» он «приобщил песню Эолии / К италийским стихам» («Dicar [...] // Princeps Aeolium carmen ad Italos / Deduxisse modos», Horat. Od. III, 30, 10–14). Это считалось великой заслугой, поскольку Гораций этим «поднялся» первым «на высоту классического греческого искусства» (см. [Syndikus, II:

⁴¹ О датировке см. комментарий В. А. Западова в [Державин 1957: 417].

⁴² См., например, комментарий [Ramler, II: 266].

⁴³ См. «Примечание» Державина к стихотворению «Лебедь». Как и в других автобиографических текстах, он говорит здесь о себе в третьем лице: «Непростительно бы было так самохвальствовать, но как Гораций и прочие древние поэты присвоили себе сие преимущество, то и он тем пользуется, не думая быть осужденным за то своими соотечественниками» [Кононко 1975: 125].

⁴⁴ См. [Wili 1948: 234]; см. также [Hommel 1950: 36]: Гораций «создал [...] на пороге к христианству нечто в роде земного преодоления смерти».

264])). Державин, желая превзойти его, приводит три поэтических достижения, которые он считает смелыми:

[...] первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкою говорить [I: 534].

Как видим, Державин называет здесь на первом месте свою панегирическую оду «Фелица», которой он славословил Екатерину II в 1782 г. новым и действительно смелым образом. Однако нельзя не заметить, что он, несмотря на свое желание превзойти Горация, фактически понимает славу, которую он заслужил этим стихотворением, как славу «второго разряда»: он заслужил ее тем, что способствовал славе императрицы. Имплицированное представление о второстепенности его славы выражается прямо в стихотворении «Приношение Государыне» [I: 491–492], которым Державин обратился к Екатерине II в том же самом 1795 г., когда вышел его «Памятник»: «Под именем твоим она [= моя лира. — И. К.] громка пребудет; / Ты с л а в о ю, — твоим я э х о м буду жить» (разрядка автора).

Такое представление было в условиях тогдашнего русского абсолютизма вполне естественным. Но оно отличает Державина от Горация. В 9-й оде кн. IV Гораций говорит о бессмертной славе великого поэта, который для него «святой певец» (Horat. Od. IV, 9, 7) — см. [Becker 1963: 134–146; Syndikus, II: 356–367]. Он при этом называет не только Гомера, Пиндара и других, но и самого себя: он был первым римлянином в кругу великих поэтов! Задача этого «vates sacer» заключалась в том, чтобы воспеть подвиги героев и монархов, спасая их от забвения и обеспечивая им посмертную славу: «Безвестный подвиг, словно бездействие, / В могилу сходит» («Paulum sepultae distat inertiae / Celata virtus», Horat. Od. IV, 9, 8). Значит, герои и монархи в этом плане зависят от великих поэтов. О какой-то подчиненности «святых певцов» воспеваемым ими персонажам не могло быть и речи.

Если же Державин считает, что его слава не равна славе императрицы, он думает, как придворный поэт, что соответствовало его деятельности как панегириста. Правда, и Гораций выступал иногда с панегирической поэзией (как, например, с 15-й одой кн. IV на императора-миротворца). Однако он, несмотря на личную, чуть ли не дружескую близость к Августу, и на то, что он восхищался политикой императора, настаивал на своей личной независимости. Это удавалось ему благодаря великодушной снисходительности Августа и Мecenата. Гораций поэтому мог отказаться от дружелюбно сформулированного

приглашения Августа стать его частным секретарем⁴⁵. Трудно представить себе такое, говоря о Державине. Когда Екатерина II назначила его 13 декабря 1791 г. своим кабинетным секретарем, это было долго ожидаемым исполнением его страстного желания (см. [Грот 1997: 383, 407]). У него и не было дружеских отношений с императрицей: он был только подданным, который не всегда пользовался ее высочайшей милостью.

Однако вернемся к «Памятнику». Державин называет свою оду «Бог» в качестве второго по значимости поэтического подвига. Однако что он имеет в виду, говоря о «сердечной простоте»? Ведь это религиозное стихотворение написано не простым, а высоким стилем. Не совсем понятна и та «истина», которую Державин как будто говорил «царям с улыбкой»⁴⁶. Он, правда, всегда старался избегать лести в своих панегириках, желая хвалить только такие качества, которыми адресат обладал, как ему казалось, на самом деле. Однако Державин-поэт никогда бы не осмелился сообщать высочайшему адресату какую-либо критическую «истину»⁴⁷. Иначе обстоит дело с ним как государственным деятелем, который на самом деле говорил монархам иногда то, что они не хотели слышать (см. [Грот 1997: 408–414]).

Последнее различие этих двух стихотворений касается обращения к музе. Гораций завершает свою оду апострофой к Мельпомене, которая олицетворяет у него не трагедию, а поэзию вообще (см. [Fraenkel 1966: 306]). Она должна увенчать его дельфийскими, т. е. аполлоновскими лаврами. Русифицируя это место, Державин пропускает слово «дельфский». Он также обращается не к Мельпомене, а к «своей музе» в качестве поэтического *alter ego* (муза была для него не самостоятельным существом, а только аллегорией собственного «я» как поэта). Он призывает ее презирать тех, кто завидовал его поэтическим успехам при дворе. Гораций должен быть его союзником против этих врагов:

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой
Чело твое зарей безсмертия венчай.

⁴⁵ См. главу «Vita Horatii» в: [Fraenkel 1966: 17].

⁴⁶ Благодарю Тони Лентина за указание, что эта фраза восходит к 1-ой сатире кн. I: «Правда, порою не грех и с улыбкою истину молвить» (ст. 25).

⁴⁷ Его стихотворение на Тильзитский мир является единственным, правда очень осторожным, исключением: «На мир 1807 года, государыням императрицам» [II: 423–427].

9. Последние переводы

После длительного перерыва Державин перевел в 1810–1811 гг. еще шесть стихотворений Горация — пять од и один эпод, причем ему, вероятно, помогал Котельницкий. Эти переводы вышли в журнале «Беседы», того литературного общества, к руководящим членам которого Державин принадлежал в последние годы жизни (см. [Альтшуллер 2007: 65–94]), и в державинском «Разсуждении». Там они фигурируют как образцы таких стилевых правил, как краткость и композиционное единство.

Эти поздние переводы свидетельствуют о том, что в отношении Державина к Горацию произошло принципиальное изменение. Теперь он видит в нем в первую очередь уже не мудреца, а лирика, на цельность произведений которого он не смеет посягать. Возможно, что Державин был обязан этим уже не дидактическим, а эстетическим пониманием поэзии И. Г. Гердеру, которого он упоминает в «Разсуждении» [VII: 605]⁴⁸. Возможно, что Державин читал и его «Письма молодому приятелю о чтении Горация» 1802 г.⁴⁹

При этом следует учесть, что Гердер был не только литературным критиком, но и одним из первых представителей немецкого историзма (см. [Meinecke 1965: 355–444]). Можно поэтому сказать, что поздние переводы Державина в своем стремлении к дословной точности являются ранним выражением русского историзма. В связи с этим вспоминается и тот литературный спор, который состоялся в 1813–1815 гг. в «Беседе» о переводе Гомера (см. [Егунов 2001: 157–182]). Два доклада С. С. Уварова на эту тему были сделаны, как можно предположить, в доме Державина на Фонтанке, т. е. в его присутствии. Во втором из них, в «Ответе В. В. Капнисту на письмо его об экзаметре», Уваров требует, чтобы Гомер был переведен «в духе оригинала». Он при этом имеет в виду употребление гексаметра вместо александрийского стиха, который он ассоциирует с французской литературой. При чтении Гомера должно возникнуть впечатление, «чтоб мы имели в глазах ни Кострова, ни Гнедича», т. е. русских переводчиков Гомера, «но Гомера» [Уваров 1815: 66–67].

Державин выполнил эти переводы в 1810–1811 гг. — за несколько лет до докладов Уварова; но вопросы перевода могли интересовать его и раньше. Как раз тогда Гнедич, с которым Державин был знаком с 1807 г., переживал творческий кризис при переходе от александрийского стиха

⁴⁸ Державин также перевел несколько стихотворений Гердера [Койтен 2002: 133–138].

⁴⁹ «Briefe über das Lesen des Horaz an einen jungen Freund» [Herder 1821]. О теме «Державин и Гердер» см. обзор в [Ларкович 2011: 10–21].

к гекзаметру [Егунов 1965: 155]. Историзму Уварова и Гнедича соответствовало и стремление Державина избегать произвольных изменений в своих последних переводах. Читатели должны были признать вместе с историчностью переводимых стихотворений и культурное своеобразие античного мира, находя в нем, может быть, какую-то прелесть.

Этот переводческий историзм нашел крайнее выражение в державинском переводе 4-й оды кн. III к музе Каллиопе [III: 74–76]. Державин отклоняется от подлинника только в том, что соединяет одиннадцатую и двенадцатую строфы, пропуская при этом четыре стиха. Эта ода содержит очень много подробностей географического, исторического и мифологического порядка, и ни одной Державин не пропустил в своем переводе. Русские читатели едва ли знали, например, кто такой Палинур, о котором идет речь в 6-й строфе, или «Гигес сторукий», который упоминается в 16-й строфе. Это произведение Державина вышло в журнале «Беседы» (см. [III: 76]), однако если оно действительно было предназначено для читателей, то только как переводческий эксперимент. Это тем более ясно, так как Державин не посчитал нужным комментировать свой перевод, как это делал Кантемир в своем переводе горацянских сатир.

Во время этой работы перед Державиным встал вопрос и о метрике Горация. Какое значение метрика имеет для поэтического целого, он мог узнать у Гердера из «Писем молодому приятелю о чтении Горация»: «Когда речь идет о лирическом поэте, муза которого парит в ритмическом танце, то легко поймешь, что ты должен сначала освоить метрические свойства [стихотворений Горация — И. К.], чтобы чувствовать радость от их движений» [Herder 1821: 70]. Котельницкий даже составил таблицу метров Горация, которую Державин хотел добавить к своему «Разсуждению», однако его ученый друг, епископ Евгений Болховитинов, отсоветовал⁵⁰.

Как явствует из того же «Разсуждения», Державин занимался тогда изучением различий между античной поэзией и поэзией нового времени, ссылаясь при этом на Гердера⁵¹ и на часть VII его произведения, заглавие которого Грот передает как «О подкреплении просвещения» [VII: 595]; это «Briefe zur Beförderung der Humanität» (1793–1797). Державин особенно интересуется римфой, которая обозначает у Гердера исторический переход от античной поэзии к поэзии нового времени. В связи с этим он сочинил два небольших стихотворения одинакового содержания — одно рифмованное, другое нет. Он комментирует этот

⁵⁰ См. «Приложение» 31 июля 1815 г. к письмам Державина [VI: 355].

⁵¹ Грот указывает в этой связи на VII часть книги Гердера «О подкреплении просвещения» — «Briefe zur Beförderung der Humanität» 1793–1797 гг. [VII: 604].

эксперимент следующим образом: «Кажется мне, если не ошибаюсь, что оба [стихотворения — *И. К.*] хороши, всякая в своем роде, по различным вкусам; но думаю, что в последнем [т. е. в стихотворении без рифмы. — *И. К.*] больше излишня жара, когда гармония, на рифмах не запинаясь, течет непрерывно, подобно быстрой реке, струя за струей. Но надо к сему более природного дара, нежели искусства» [VII: 605].

Державин избегает рифм в своих поздних переводах; исключением является только перевод 7-го эпода «Римскому народу» [III: 63]. Чтобы как можно больше приблизиться к оригиналам, он допускает стиховые и строфические переносы, стирая таким образом стиховые и строфические границы. Он также подражает строфическим формам Горация, как, например, в переводе 10-й оды кн. I, в которой речь идет о гетере Лидии и ее молодом любовнике — «К Лидии» [III: 70]. Восьми дистихам Горация соответствуют у Державина десять дистихов. Он поступает иначе только в переводе 7-го эпода: вместо восьми дистихов мы находим здесь пять сапфических строф с рифмами.

Однако Державин не был готов отказаться от строго равномерного ритма силлаботоники. Его последние переводы все выдержаны в ямбах. Исключением является только перевод 19-й оды кн. II к Бахусу [III: 36], где он пытается сделать метрический перевод⁵². Перенимая у Горация нерифмованную строфу из четырех стихов, он, кроме ямбических и дактилических стоп, употребляет и спондеи, чтобы заменить регулярный ритм силлаботоники более свободным ритмом античной поэзии. В оригинале нет точного соответствия этому (см. [Пастернак 2021: 105]), однако ритмическое сходство очевидно. Тогда Державин отказался от силлаботоники и в некоторых оригинальных стихотворениях [*Ibid.*]. Но это были единичные случаи. Он на самом деле не хотел проститься с традиционным ритмом силлаботоники. Это соответствовало поэтическому духу времени: метрический перевод Горация стал считаться желательным только с середины XIX столетия (см. [Busch 1964: 31]).

Державин явно не считал свое подражание античной метрике успешным. Это подтверждается письмом от 30 декабря 1813 г. Капнисту, тогда уже известному переводчику Горация: «Я также с моей стороны скажу, что не метры те или другие дают славу истинную поэтам, а гений, их оду одушевляющий» [VI: 314]. Значит, Державин в конце концов отверг начатую Рамлером практику немецких переводчиков Горация,

⁵² См. [Морозова 1993, без пагинации]. Можно и добавить, что Державин не был первым русским поэтом, который пытался сделать метрический перевод Горация. Ему предшествовал в 1751 г. Тредиаковский с переводом 9-й оды кн. II: «Ода к Вальгию Руфу» [Тредиаковский 1963: 145–146]; см. [Берков 1935: 105–106]. Начало стихотворения Державина «На смерть графини Румянцевой» 1788 г. [I: 150–153] является ямбическим подражанием первым строфам этой оды Горация.

настаивая на русской традиции. В письме от 5 сентября 1815 г. он пишет тому же Капнисту: «Мне кажется напрасно и тщетно прилагать усилие переводить в точности Горация [...]» [VI: 366]. Он обосновывает это мнение указанием на И. Г. Фосса, знаменитого переводчика Гомера, который выступал в 1806 г. и с переводом Горация: когда Фосс «прилагал усилие сохранить и меру, и род стихов и мысли автора, вышло ничто иное как изуродованное творение; а всего лучше, держась издали плана и мыслей, подражать только духу творца, приравливая чувства свои к нему. Вот вам мой совет, дабы труд ваш не пропал напрасно, ибо поэзия на другой язык с такую же красотой перелить не можно, а особливо Горация» [VI: 366].

10. Заключение

Предлагаемая работа посвящена отношению Державина к Горацию на фоне немецкого горадианства XVIII в. Как «русский Гораций» Державин не ограничился переводами. По принципам *imitatio* и *aemulatio* он также подражал Горацию, вступая с ним в поэтическое соревнование, иногда стремясь превзойти его. Эта установка позволяла ему проявлять в своих переводах прагматическое отношение к подлинникам, которые он изменял, приспособливая их к своим собственным целям. Эта произвольная практика изменилась только к концу его жизни, когда он, вероятно, под влиянием Гердера, начал воспринимать поэтический текст как автономное произведение искусства, целостность которого не следовало нарушать. Эта новая для Державина установка поддается также интерпретации в рамках начинающегося русского историзма.

Подражая Горацию, Державин не стеснялся прославлять самого себя как бессмертного поэта. Однако для него это было не только формой несколько скандального самоутверждения, но и своего рода протестом против недостаточного престижа, который был у поэзии в русском обществе XVIII в. Державин подражал поэтической уверенности Горация в себе и своим автобиографизмом, т. е. тем, что любил говорить в своей поэзии о себе и о своей жизни. Таким образом, он по следам Горация существенно расширил тематический диапазон русской оды как ведущего тогда жанра русской лирики: теперь читателю открылся и поэтический потенциал частной жизни индивидуального человека.

Гораций со своими одами был для Державина в первую очередь не лириком, а эпикурейским мудрецом. Это значит, что дидактический аспект горадианской поэзии был для него важнее, чем ее художественная форма. Учение Горация сводилось для Державина к тому, что смысл человеческой жизни заключается в достижении для себя личного счастья. Следуя этому учению, Державин попал в такое же положение

противоречия к христианству, как и немецкие гораціанцы. Ведь с христианской точки зрения человек жил в нашем мире не для счастья, а для того, чтобы подготовиться к загробному миру. Однако Державин заходил при этом не так далеко, как Гораций, для которого не было жизни после смерти. Не желая подрывать авторитет церкви, Державин только хотел ограничить его в пользу земной жизни, ценность которой следовало признавать. При всей симпатии к гораціанскому учению, Державин оставался приверженцем просвещенного христианства.

Для достижения земного счастья Державин перенял от Горация такие правила эпикурейской философии, как чувство меры, равнодушие к переменчивости судьбы и довольство малым. В связи с последним правилом он проявил особенную склонность к идеализации деревенской жизни. Это была излюбленная тема и Горация, которую Державин использовал, чтобы обличать роскошь придворной жизни, с которой он был связан с начала 1790-х гг.

Дальнейший принцип гораціанской мудрости заключается в готовности человека трезво признавать тяжелые факты жизни, среди них — и смерть. В отличие от немецких гораціанцев, Державин проявил к этой теме особенный интерес. И в этой теме он противостоял не только русским масонам и их «любви к смерти», но жалобам русских поэтов о *vanitas* человеческой жизни. Для Державина жизнь была, напротив, «небес мгновенным даром»; сознание собственной смертности должно было служить поощрением для активного наслаждения жизнью. Державин был в России первым автором жизнерадостной поэзии. Что он поставил себе такую цель не только как гораціанец, но и как анакреонтик, будет темой другой работы.

Библиография

Источники

Гораций 1970

Квинт Гораций Флакк, *Оды, эподы, сатиры, послания. Перевод с латинского*, Гаспаров М., ред, вступ. статья, коммент., Москва, 1970.

Державин, I–VII

Державин Г. Р., *Сочинения*, с объяснительными примечаниями Я. К. Грота, I–VII, С.-Петербург, 1868–1878.

— 1957

Державин Г. Р., *Стихотворения*, Ленинград, 1957.

Дмитриев 1974

Дмитриев И. И., *Vzglyad na moiú zhizn'*, Cambridge, 1974.

Карамзин 1966

Карамзин Н. М., *Полное собрание стихотворений*, Лотман Ю. М., вступ. статья, подг. текста, примеч., Москва, Ленинград, 1966.

——— 1984

Карамзин Н. М., *Письма русского путешественника*, Лотман Ю. М, Марченко Н. А, Успенский Б. А., изд. подг., Ленинград, 1966.

Ломоносов 2011

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений в десяти томах*, изд. 2-е, испр. и доп., 8, Москва, С.-Петербург, 2011.

Пушкин 1977

Пушкин А. С., *Полное собрание сочинений в десяти томах*, 1, Ленинград, 1977.

Третьяковский 1963

Третьяковский В. К., *Избранные произведения*, Москва, Ленинград, 1963.

Уваров 1815

Уваров С. С., Ответ В. В. Капнисту на письмо его об экзаметре, *Чтения в беседе любителей русского слова*, 1815, 17, 51–70.

Hagedorn 1777

Hagedorn, F. von, *Sämtliche poetische Werke*, 1., Karlsruhe, 1777.

Herder 1821

Herder J. G., Briefe über das Lesen des Horaz an einen jungen Freund, *Idem, Sämtliche Werke. Zur schönen Literatur und Kunst*. 11., Karlsruhe, 1821, 69–100.

Horaz 1957

Horaz, *Sämtliche Werke. Lateinisch und Deutsch*, I–II, Färber H., Schöne W., Hrsg., München, 1957.

Lessing 1967

Lessing G. E., Rettungen des Horaz, *Idem, Werke*, Wölfel K., Hrsg., II, Frankfurt/M., 1967.

Ramler 1769

Karl Wilhelm Ramlers Oden aus dem Horaz, Berlin 1769.

Wölfel 1800

Ramler K. W., *Horazens Oden übersetzt und mit Anmerkungen erläutert von Karl Wilhelm Ramler*, I–II, Berlin, 1800.

Литература

Алексеева 2005

Алексеева Н. Ю., *Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках*, С.-Петербург, 2005.

Альтшуллер 2007

Альтшуллер М. Г., *Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства*, Москва, 2007.

Берков 1935

Берков П. Н., Ранние русские переводчики Горация (К 200-летию со дня рождения Горация), *Известия Академии Наук СССР*, 1935, 10, 1039–1056.

Битнер 1957

Битнер[-Ермакова] Г. В., Капнист, *История русской литературы*, IV, 2. Москва, Ленинград, 485–500.

Вендитти 2013

Вендитти М., «Лебедь» Г. Р. Державина: горацианская традиция и образ поэта, *History and Literature in Eighteenth-Century Russia*, Bogatyrev S., Dixon S., Hartley J. M., eds., London, 2013, 48–60.

Вернадский 1999

Вернадский Г. В., *Русское масонство в царствование Екатерины II* [1917], С.-Петербург, 1999.

Западов 1989

Западов В. А., Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г. Р. Державина, XVIII век, 16, Ленинград, 1989, 289–318.

Гаспаров 1984

Гаспаров М. Л., *Очерки истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфа*, Москва, 1984.

Грот 1997

Грот Я. К., *Жизнь Державина* [1883], Москва, 1997.

Гуковский 1947

Гуковский Г. А., Г. Р. Державин, *Державин Г. Р. Стихотворения*, Ленинград, 1947, V–LVI.

Доценко, Григорова 1993

Доценко И. И., Григорова Н. В., Г. Р., Державин и русско-немецкий диалог, *Творчество Державина. Специфика. Традиции: научные статьи, доклады, очерки, заметки*, Тамбов, 1993, 238–244.

Егунов 2001

Егунов А. Н., *Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков*, Москва, 2001.

Клейн 2021a

Клейн И., Мудрость Горация и автобиографический принцип в лирике Державина (Стихотворение «На умеренность»), *Idem, При Екатерине. Труды по русской литературе XVIII века*, Москва, 2021, 97–112.

——— 2021б

Клейн И., «Совсем особый путь»: Державин между Ломоносовым и Горацием, *Idem, При Екатерине. Труды по русской литературе XVIII века*, Москва, 2021, 93–96.

——— 2022

Клейн И., Стихотворение Державина «Евгению. Жизнь званская», *Slovene*, 2022, 11/2, 192–203.

Койтен 2002

Койтен А., Державинские переводы из Геснера и Гердера, *Новое литературное обозрение*, 2002, 54/2, 119–145.

Кононко 1972

Кононко Е. Н., Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР, *Русская литература*, 1972, 3, 74–85.

——— 1973

Кононко Е. Н., Примечания на сочинения Державина, *Вопросы русской литературы*, 1973, 2/22, 107–116.

——— 1974

Кононко Е. Н., Примечания на сочинения Державина (продолжение), *Вопросы русской литературы*, 1974, 1/23, 81–93.

——— 1975

Кононко Е. Н., Примечания на сочинения Державина. Часть II, *Вопросы русской литературы*, 1975, 1/25, 110–125.

Ларкович 2011

Ларкович Д. В., Державин и Гердер, *Державин и его время*, 7, С.-Петербург, 2011, 10–29.

Морозова 1993

Морозова Г. В., Метрические эксперименты Г. Р. Державина в переводах Горация, *Творчество Г. Р., Державина. Специфика. Традиции*, Тамбов, 1993, 134–138

——— 2002

Морозова Г. В., Гораций в рукописных фондах Г. Р. Державина, *Античность и общечеловеческие ценности*, 9, Алматы, 2002, 120–129.

——— 2014

Морозова Н. П., 1813-й год в жизни Державина, *Державинские чтения. Сб. научных трудов*, 9, С.-Петербург, 2014, 110–143.

——— 2015

Морозова Н. П., 1814-й год в жизни Державина, *Державинские чтения. Сб. научных трудов*, 10, 2015, С.-Петербург, 144–183.

——— 2016

Морозова Н. П., 1815-й год в жизни Державина, *Державинские чтения. Сб. научных трудов*, 11, 2016, С.-Петербург, 72–105.

Николаев 2001

Николаев С. И., К предыстории Горация в России, *Reflections on Russia in the Eighteenth Century*, Klein J., Dixon S., Fraanje M., eds., Köln, Weimar, Wien, 2001, 303–314.

Пастернак 2021

Пастернак Е. А., О метрическом репертуаре стихотворений Г. Р. Державина (Опыт статистического анализа стихотворений Г. Р. Державина), *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2021, 81/5, 101–107.

Пинчук 1955

Пинчук А. Л., Гораций в творчестве Г. Р. Державина, *Ученые записки Томского гос. ун-та*, 1955, 24, 71–86.

Пумпянский 1928

Пумпянский Л. В., Поэзия Ф. И. Тютчева, Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928, Ленинград, 1928, 9–57.

——— 2000

Пумпянский Л. В., К истории русского классицизма [1923–1924], Пумпянский Л. В., *Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы*, Москва, 2000, 30–157.

Пыпин 1916

Пыпин А. Н., *Религиозные движения при Александре I*, Петроград, 1916.

Степанов 1999

Степанов В. П., Котельницкий, *Словарь русских писателей XVIII века*, 2, С.-Петербург, 1999, 135–137.

Becker 1963

Becker C., *Das Spätwerk des Horaz*, Göttingen, 1963.

Blasberg 2007

Blasberg A., *Vasilij Vasil'evič Kapnist und seine Übertragung von Gedichten des Horaz ins Russische*, Rahden/Westf., 2007.

Breuer 1981

Breuer D., *Deutsche Metrik und Versgeschichte*, München, 1981.

Busch 1964

Busch W., *Horaz in Rußland. Studien und Materialien*, München, 1964.

Curtius 1978

Curtius E. R., *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter* [1948], Bern, München, 1978.

Entner 2007

Entner H., *Imitatio, Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft*, I, Weimar K. u.a., Hrsg., Berlin, 133–135.

- Fraenkel 1966
Fraenkel E., *Horace*, Oxford, 1966.
- Harrison 2007
Harrison S., Town and Country, *The Cambridge Companion to Horace*, Harrison S., ed., Cambridge, 235–247.
- Hazard 1978
Hazard P., *La pensée européenne au XVIIIe siècle. De Montesquieu à Lessing*, Paris, 1978.
- Heinze 1938
Heinze R., Die horazische Ode [1923], *Idem, Vom Geist des Römertums. Ausgewählte Aufsätze*, Leipzig, Berlin, 1938, 185–212.
- Hommel 1950
Hommel H., *Horaz. Der Mensch und das Werk*, Heidelberg, 1950.
- Hösch, Grabmüller 1981
Hösch E., Grabmüller H. J., *Daten der russischen Geschichte von den Anfängen bis 1917*, München, 1981.
- Hossenfelder 1995
Hossenfelder M., *Die Philosophie der Antike 3. Stoa, Epikureismus und Skepsis*, München, 1995.
- Kaiser 1976
Kaiser G., *Aufklärung, Empfindsamkeit, Sturm und Drang*, Tübingen-Basel, 1976.
- Killy 1982
Killy W., Über den deutschen Horaz, *Idem, Schreibweisen – Leseweisen*, München, 1982, 43–59.
- Kölle 1966
Kölle H., *Farbe, Licht und Klang in der malenden Poesie Deržavins*, München, 1966.
- Košenina 2003
Košenina A., Ein deutscher Horaz? Karl Wilhelm Ramler in der zeitgenössischen Rezeption, *Urbanität als Aufklärung. Karl Wilhelm Ramler und die Kultur des 18. Jahrhunderts*, Lütteken L., Pott U., Celle C., Hrsg., Göttingen, 2003, 129–152.
- Lefèvre 1993
Lefèvre E., *Horaz. Dichter im augusteischen Rom*, München, 1993.
- Leonhardt 2003
Leonhardt J., Ramlers Übersetzung antiker Texte, *Urbanität als Aufklärung. Karl Wilhelm Ramler und die Kultur des 18. Jahrhunderts*, Lütteken L., Pott U., Celle C., Hrsg., Göttingen, 2003, 323–353.
- Levitsky 1986
Levitsky A., Masonic Elements in Russian Eighteenth-Century Religious Poetry, *Russia and the World of the Eighteenth Century*, Bartlett R., Cross A., Rasmussen K., eds., Columbus/OH, 1986, 419–436.
- Lexicon 1993
Lexicon van literaire termen, Hendrik van Gorp etc., red., Groningen, 1993.
- Lohmeier 1981
Lohmeier A.-M., *Beatus ille. Studien zum „Lob des Landlebens“ in der Literatur des absolutistischen Zeitalters*, Tübingen, 1981.
- Meinecke 1965
Meinecke F., *Die Entstehung des Historismus* [1919], München, 1965.
- Perret 1959
Perret J., *Horace. Nouvelle édition. Mise à jour*, Paris, 1959.
- Pietsch 1988
Pietsch W., *Friedrich von Hagedorn. Untersuchungen zur Horaz-Rezeption in der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts*, Hildesheim, Zürich, New York, 1988.

Pöschl 1991

Pöschl V., *Horazische Lyrik: Interpretationen*, Heidelberg, 1991.

Rosendahl 1953

Rosendahl G., *Deutscher Einfluß auf Gavriil Romanovič Deržavin*, Phil. Diss., Bonn, 1953.

Schmidt 1996

Schmidt E. A., Horaz und die Erneuerung der deutschen Lyrik im 18. Jahrhundert, *Zeitgenosse Horaz. Der Dichter und seine Leser seit zwei Jahrtausenden*, Krasser H., Schmidt E. A., Hrsg., Tübingen, 225–310.

Schmidt 2004

Schmidt E. A., „Auf den Flügeln des Choriamb“: Herder und Horaz, *International Journal of the Classical Tradition*, 2004, 10/3, 416–437.

Stemplinger 2015

Stemplinger E., *Horaz im Urteil der Jahrhunderte* [1921], Norderstedt, 2015.

Syndikus 1992.

Syndikus H. P., Die Einheit des horazischen Lebenswerks, *Horace. L'œuvre et les imitations. Un siècle d'interprétation*, Genève, 1992, 207–255.

——— 2001

Syndikus H. P., *Die Lyrik des Horaz. Eine Interpretation der Oden*, I-II, Darmstadt, 2001.

Watson 2003

Watson L. C., *A Commentary on Horace's Epodes*, Oxford, 2003.

Wili 1948

Wili W., *Horaz und die augusteische Kultur*, Basel, 1948.

Wilkinson 1968

Wilkinson L. P., *Horace and his Lyric Poetry*, Cambridge, 1968.

Zinn 1972

Zinn E., Erlebnis und Dichtung bei Horaz, *Wege zu Horaz*, Oppermann H., Hrsg., Darmstadt, 1972, 369–388.

References

Alekseeva N. Yu., *Russkaia oda. Razvitie odiche-skoj formy v 17–18 vekakh*, St. Petersburg, 2005.

Altschuller M. G., *Beseda liubiteli russkogo slova. U istokov russkogo slavjanofil'stva*, Moscow, 2007.

Becker C., *Das Spätwerk des Horaz*, Göttingen, 1963.

Bitner[-Ermakova] G. V., Kapnist, *Istorija russkoj literatury*, 4, 2, Moscow, Leningrad 1957, 485–500.

Berkov P. N., Rannie russkie perevodchiki Goratsiia (K 200-letiiu so dnia rozhdeniia Goratsiia), *Izvestiia Akademii Nauk SSSR*, 1935, 10, 1039–1056.

Blasberg A., *Vasilij Vasil'evič Kapnist und seine Übertragung von Gedichten des Horaz ins Russische*, Rahden/Westf., 2007.

Breuer D., *Deutsche Metrik und Versgeschichte*, München, 1981.

Busch W., *Horaz in Rußland. Studien und Materialien*, München, 1964.

Curtius E. R., *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*, Bern, München, 1978.

Dotsenko I. I., Grigorova N. V., G. R. Derzhavin i russko-nemetskii dialog, *Tvorchestvo Derzhavina. Spetsifika. Traditsii: nauchnye stat'i: doklady, ocherki: zametki*, Tambov, 1993, 238–244.

Egunov A. N., *Gomer v russkikh perevodakh 18–19 vekov*, Moscow, 2001.

Entner H., „Imitatio“, *Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft*, 1, Weimar K. u.a., Hrsg., Berlin, 133–135.

Fraenkel E., *Horace*, Oxford, 1966.

Gasparov M. L., *Ocherki istorii russkogo stikha. Metrika, ritmika, rifma, strofa*, Moscow, 1984.

Gukovsky G. A., G. R. Derzhavin, G. R. Derzhavin, *Stikhotvoreniia*, Leningrad, 1947, V–LVI.

Harrison S., Town and Country, *The Cambridge Companion to Horace*, Harrison S., ed., Cambridge, 235–247.

Hazard P., *La pensée européenne au XVIIIe siècle. De Montesquieu à Lessing*, Paris, 1978.

Hommel H., *Horaz. Der Mensch und das Werk*, Heidelberg, 1950.

Hösch E., Grabmüller H. J., *Daten der russischen Geschichte von den Anfängen bis 1917*, München, 1981.

Hossenfelder M., *Die Philosophie der Antike 3. Stoa, Epikureismus und Skepsis*, München, 1995.

Kaiser G., *Aufklärung, Empfindsamkeit, Sturm und Drang*, Tübingen-Basel, 1976.

Keuten A., *Derzhavinskije perevody iz Gesnera i Gerdera, Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2002, 2/54, 119–145.

Killy W., „Über den deutschen Horaz“, *Idem, Schreibweisen – Leseweisen*, München, 1982, 43–59.

Klein J., Poet-samokhval – „Pamiatnik“ Derzhavina i status poeta v russkoi literature 18 veka, *Idem, Puti kul turnogo importa. Trudy po russkoi literature 18 veka*, Moscow, 2005, 498–520.

Klein J., Mudrost Goratsiia i avtobiografiches-kii printsip v lirike Derzhavina (Stikhotvorenje „Na umerennost“), *Idem, Pri Ekaterine. Trudy po russkoi literature 18 veka*, Moscow, 2021, 97–112.

Klein J., „Sovsem osobyi put“: Derzhavin mezhdu Lomonosovym i Goratsiem», *Idem, Pri Ekaterine. Trudy po russkoi literature 18 veka*, Moscow, 2021, 93–96.

Klein J., Stikhotvorenje Derzhavina «Evgeniiu. Zhizn' zvsnaskaia» // *Slovene* 2022. Vol. 11. 192–203.

Kölle H., *Farbe, Licht und Klang in der malenden Poesie Deržavins*, München, 1966.

Kononko E. E., Rukopisi G. R. Derzhavina v tsentral noi nauchnoi biblioteke USSR, *Russkaia literatura*, 1972, 3, 74–85.

Kononko E. E., Primechaniia na sochineniia Derzhavina, *Voprosy russkoi literatury*, 1973, 2/22, 107–116.

Kononko E. E., Primechaniia na sochineniia Derzhavina (prodolzhenie), *Voprosy russkoi literatury*, 1974, 1/23, 81–93.

Kononko E. E., Primechaniia na sochineniia Derzhavina. Chast 2, *Voprosy russkoi literatury*, 1975, 1/25, 110–125.

Košena A., Ein deutscher Horaz? Karl Wilhelm Ramler in der zeitgenössischen Rezeption, *Urbanität als Aufklärung. Karl Wilhelm Ramler und die Kultur des 18. Jahrhunderts*, Lütteken L., Pott U., Celle C., Hrsg., Göttingen, 2003, 129–152.

Larkovich D. V., „Derzhavin i Gerder“, *Derzhavin i ego vremena*, 7, St. Petersburg, 2011, 10–29.

Lefèvre E., *Horaz. Dichter im augusteischen Rom*, München, 1993.

Leonhardt J., Ramlers Übersetzung antiker Texte, *Urbanität als Aufklärung. Karl Wilhelm Ramler und die Kultur des 18. Jahrhunderts*, Lütteken L., Pott U., Celle C., Hrsg., Göttingen, 2003, 323–353.

Levitsky A., Masonic Elements in Russian Eighteenth-Century Religious Poetry, *Russia and the World of the Eighteenth Century*, Bartlett R., Cross A., Rasmussen K., eds., Columbus/OH, 1986, 419–436.

Lohmeier A.-M., *Beatus ille. Studien zum „Lob des Landlebens“ in der Literatur des absolutistischen Zeitalters*, Tübingen, 1981.

Morozova G. V., *Metricheskie eksperimenty G. R. Derzhavina, Tvorchestvo Derzhavina. Spetsifika. Traditsii: nauchnye stat i: doklady, ocherki: zametki*, Tambov, 1993, 134–138.

Morozova G. V., *Goratsii v rukopisnykh fondakh G. R. Derzhavina, Antichnost i obshchechelovecheskie tsennosti*, 9, Almaty, 2002, 120–129.

Morozova N. P., 1813-yi god v zhizni Derzhavina, *Derzhavinskije chteniia*, 9, St. Petersburg, 2014, 110–143.

Morozova N. P., 1814-yi god v zhizni Derzhavina, *Derzhavinskije chteniia*, 10, St. Petersburg, 2015, 144–183.

Morozova N. P., 1815-yi god v zhizni Derzhavina, *Derzhavinskije chteniia*, 11, St. Petersburg, 2016, 72–105.

Nikolaev S. I., K predystorii Goratsiia v Rossii, *Reflections on Russia in the Eighteenth Century*, Klein J., Dixon S., Fraanje M., eds., Köln, Weimar, Wien, 2001, 303–314.

Pasternak E. A., To the Metric Repertoire of G. R. Derzhavin in His Lifetime Collected Works (An Essay in Statistical Analysis), *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*, 81/5, 101–107.

Perret J., *Horace. Nouvelle édition. Mise à jour*, Paris, 1959.

Pöschl V., *Horazische Lyrik: Interpretationen*, Heidelberg, 1991.

Pietsch W., *Friedrich von Hagedorn. Untersuchungen zur Horaz-Rezeption in der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts*, Hildesheim, Zürich, New York, 1988.

Pinchuk A. L., Goratsii v tvorchestve G. R. Derzhavina, *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1955, 24, 71–86.

Pumpiansky L. V., Poeziia F. I. Tiutcheva, *Uraniiia. Tiutchevskii al manakh. 1803–1928*, Leningrad, 1928, 9–57.

Pumpiansky L. V., K istorii russkogo klassitsizma, *Idem, Klassicheskaia traditsiia. Sbranie trudov po istorii russkoi literatury*, Moscow, 2000, 30–157.

Schmidt E. A., Horaz und die Erneuerung der deutschen Lyrik im 18. Jahrhundert, *Zeitgenosse Horaz. Der Dichter und seine Leser seit zwei Jahrtausenden*, Krasser H., Schmidt E. A., Hrsg., Tübingen, 225–310.

Schmidt E. A., „Auf den Flügeln des Choriambs“: Herder und Horaz, *International Journal of the Classical Tradition*, 2004, 10/3, 416–437.

Stepanov V. P., *Kotel nitskii, XVIII vek*, 2, St. Petersburg, 1999, 135–137.

Syndikus H. P., Die Einheit des horazischen Lebenswerks, *Horace. L'œuvre et les imitations. Un siècle d'interprétation*, Genève, 1992, 207–255.

Syndikus H. P., *Die Lyrik des Horaz. Eine Interpretation der Oden*, 1–2, Darmstadt, 2001.

Venditti M., "Lebed" Derzhavina: goratsianskaia traditsiia i obraz poeta, *History and Literature in Eighteenth-Century Russia*, Bogatyrev S., Dixon S., Hartley J. M., eds., London, 2013, 48–60.

Watson L. C., *A Commentary on Horace's Epodes*, Oxford, 2003.

Wili W., *Horaz und die augusteische Kultur*, Basel, 1948.

Wilkinson L. P., *Horace and His Lyric Poetry*, Cambridge, 1968.

Zapadov V. A., Posledniaia chast "Rassuzhdeniia o liricheskoi poezii" G. R. Derzhavina», *XVIII vek*, 16, Leningrad, 1989, 289–318.

Zinn E., Erlebnis und Dichtung bei Horaz, *Wege zu Horaz*, Oppermann H., Hrsg., Darmstadt, 1972, 369–388.

Joachim Klein, Doct. Sci. (Philol.),
Professor Emeritus
Universiteit Leiden,
PO Box 9500 2300 RA Leiden,
Nederland / the Netherlands
j.h.klein6@mac.com

Received September 18, 2024